

21 -го июля отряд генерала Гурко по безводной и крутой тропинке Далбокского ущелья добрался благополучно до Тунджинской долины. Тут войска остановились на отдых и, оставив за собой Малые Балканы, вернулись к Ханкойскому проходу, ожидая нападения со стороны приближавшихся турок».

Вскоре передовой отряд генерала Гурко был расформирован и его место занял корпус генерала Федора Радецкого. На последнего легло все бремя охраны стратегически важных Балканских проходов: «...на долю войск генерала Радецкого выпала тяжелая, почти непосильная, обязанность — охранять, до прибытия наших подкреплений, всю линию Балканов, на протяжении около 80 верст, от Сельви до Бербова, имея впереди себя, за Балканами, 30-ти тысячную армию Сулеймана-паши, по слухам, готовую уже приступить к решительным действиям, а на левом своем фланге — армию Мегемета-Али-паши, который хотя и был задерживаем нашим рушукским отрядом, но, во всяком случае, также мог ударить через Осман-Базар на позиции 8-го корпуса. Обязанность генерала Радецкого значительно усложнялась еще общою тяжестью нашего положения в Болгарии после второй Плевны. Не смотря на крайнюю растянутость занятой 8-м корпусом позиции, необходимо было задержать во что бы то ни стало армию Сулеймана-паши, чтобы дать возможность спокойно оправиться нашим войскам под Плевною и собраться подкреплениям. В то же время необходимо было сохранить за нами балканские проходы, а в особенности Шипкинский, овладение которым стоило нами уже немало пролитой крови и трудов. Удержание балканских проходов в данную минуту имело для нас особенно важное значение. Во-первых, проходы эти представляли наиболее выгодные позиции для обороны занятого уже нами участка в Северной Болгарии, а следовательно удержание их за нами обеспечивало спокойное ведение дальнейших наших операций против Плевны. Во-вторых, удержание Шипкинского перевала обеспечивало нам сохранение кратчайшего и удобнейшего пути за Балканы, к Адрианополю, куда войска наши неминуемо должны были двинуться...».

Диспозиция войск 8-го корпуса была следующая: «Шипкинский перевал был занят двумя батальонами 36-пехотного Орловского полка, со 2-ю и 5-ю батареями 9-й артиллерийской бригады, шестью орудиями 2-й горной батареи, пятью дружинами болгарского ополчения и пятью сотнями казаков разных полков.

На боковой шипкинской дороге к западу от Шипкинского прохода, у с. Зелено Древо (Иметлийский перевал) были расположены две сотни пластунов. На другой боковой шипкинской тропинке, с восточной стороны шипкинского перевала, на горе Бердэк, расположены были 1¹/₂ сотни 30-го казачьего и 1 сотня 23-го казачьего полков под командою войскового старшины сотника Галдина.

На пешеходной тропинке у монастыря св. Николая, также с восточной стороны Шипкинского прохода, стояла одна сотня 21-го Донского полка. В ближайшем резерве Шишкинской позиции был расположен 3-й батальон 36-го Орловского полка, с одним взводом конной казачьей батареи. Начальником войск на Шипкинском перевале был командир, болгарского ополчения генерал-майор Столетов, а начальником войск в Габрово и на Шипке — генерал-майор Дерожинский.

На крайнем правом фланге позиции **8-го корпуса**, в г. Сельви, расположены были: 36-й пехотный Брянский полк и вся 1-я бригада 14-й пехотной дивизии (полки: Волынский и Минский), под общим начальством начальника **9-й пехотной дивизии** генерала, князя Святополк-Мирского.

Травненский перевал наблюдался одной дружиною болгарского ополчения и одной сотнею 23-го казачьего полка.

Ханкойский проход был занят **33-м пехотным Елецким полком** с 6-ю батареями 9-й артиллерийской бригады, 1-ю горною батареей и двумя сотнями казаков 21-го и 26-го Донских полков.

Еленинский и Бебровский проходы были наблюдаемы 34-м пехотным Севским полком, 5-ю батареями 14-й артиллерийской бригады и 13-м драгунским Военного Ордена полком, с двумя орудиями 20-й конной батареи.

Весь Еленинский отряд, со включением гарнизона Ханкойского прохода, находился под начальством начальника **2-й бригады 9-й пехотной дивизии**, генерал-майора Бореиши (видимо опечатка, не 2-й, а 1-ой бригады. Во время Забалканского похода Бореиша был начальником **1-й бригады 9-й пехотной дивизии**, да и перечисление **Елецкого** и Севского пехотных полков, входящих в **1-ю бригаду**, под его началом в Еленском отряде, говорят о том же — примечание автора).

В общем резерве **8-го корпуса**, близ Тырнова, находились: в с. Присово (к югу от Тырнова) — 4-я стрелковая бригада генерал-майора Цвечинского, в с. Черемет (к востоку от Тырнова) — 2-я бригада 14-й пехотной дивизии генерал-майора Петрушевского... В Тырново же расположился и сам генерал Радецкий, со всем своим штабом, начальником, был назначен генерал-майор Дмитриевский».

Горы, как известно, не любят беспечного к ним отношения. Вот только что было ясно, все вокруг играло красками, и вдруг, все поменялось в одночасье — откуда не возьмись, налетели тучи, пошел дождь, все смешалось, свет померк. Войны **8-го корпуса** испытали все это на себе, защищая Балканские проходы: «В начале августа погода стояла пасмурная, и вершины Балкан часто, особенно ночью, затягивало наползающими на них густыми облаками, пронизывавшими солдат насквозь сыростью. Под вечер и ночью здесь уже в июле было не теплее,

чем, например, в Петербурге или Москве в октябре месяце. Поэтому все спали не раздеваясь, покрывшись, чем только можно было, и, тем не менее, все зябли. Особенно давал себя знать северный ветер, свирепствующий здесь девять дней из десяти».

3-го августа передовые отряды Сулейман-паши вошли в Ханкойское ущелье и вступили в перестрелку со сторожевой сотней 21-го Донского полка. А на следующий день уже 6 таборов турецкой пехоты с 6-ю орудиями и одной митральезой при поддержке партии конных черкес пытались атаковать русский авангард. Однако, не выдержав встречного ружейного огня, вынуждены были к вечеру отступить.

Укрепив выход из ущелья, турецкие войска 6 августа двинулись в направлении Казанлыка, куда и прибыли 7 августа в виду русского шипкинского отряда. Оборонять Ханкой осталось 6 таборов турецкой пехоты при 6 орудиях и 1 митральезе.

8 августа 30-ти тысячная армия Сулейман-паши заняла с боя селение Шипка и сожгла его. 9 августа турецкие войска приступили к штурму Шипкинского перевала.

И пока Ельцы несли скучную сторожевую службу по охранению Ханкойского прохода, их боевые товарищи со 2-й бригады 9-й пехотной дивизии при поддержке пяти дружин болгарского ополчения, ранее обескровленных боями под Ески-Загрою, и 16-й стрелковой роты при 29 орудиях, три дня героически противостояли 30-тысячной армии Сулеймана-паши. При нещадной жаре, отсутствии пищи, а главное – воды, резервов, подвоза снарядов и патронов, русские войны отразили все бесчисленные бешеные атаки турок. Урон последних после трех дневного боя простирался до 15 тысяч убитых и раненных. К вечеру 11 августа на перевал подошли все имевшиеся в распоряжении генерала Радецкого резервы, что позволило в последующие три дня предпринять ряд контратакующих действий для освобождения от турецких войск прилегающих, господствующих над Шипкинским проходом высот и улучшения положения русских войск на флангах.

5 сентября войска Сулеймана-паши неожиданной атакой захватили позиции на г. Св. Николая, являющейся ключевой точкой обороны русских на Шипкинском перевале. Однако ценой невероятных усилий и потерь войска 8-го армейского корпуса вернули утраченные позиции. В этот день русские потеряли 31 офицера и более 1000 нижних чинов.

16 сентября Сулейман-паша убыл в Восточно-Дунайскую армию, а его место командующего занял Реуф-паша.

Для русских войск, занимавших Балканские проходы, наступил период страшного зимнего «шипкинского сидения»: *«Особенно тяжело становилась жизнь на Шипкинском перевале с наступлением зимней*

погоды. В половине сентября появился легкий морозец — предвестник осени, уже начавшейся здесь в конце этого же месяца густыми туманами и холодными дождями.

В конце сентября, на протяжении всего подъема, грязь сделалась местами настолько глубокою, что лошадям она доставала до самых плеч, а колеса фургонов совсем не было видно, так что запрягали в повозку по шести-восемь лошадей и две-три пары быков и т.д. Если прибавить ко всему этому резкий, сырой, холодный ветер, бьющий в лицо и дождь, то это будет приблизительно верное определение всей обстановки.

В это время получен был приказ из главной квартиры, в виду предстоящей зимовки, озаботиться постройкой для войск барачков, а где можно — и землянок. За неимением по близости готового деревянного материала для постройки барачков, занялись постройкою землянок, что требовало очень мало времени и искусства. Каждая землянка, смотря по числу людей, для которых она предназначалась, вырывалась аршина на полтора, на два вглубь; в одном из углов вырезывалось горизонтальное четырехугольное углубление, заменяющее печь, с отверстием наверху для дыма, и сверху все это накрывалось под углом сперва сучьями, сеном, а затем заваливалось толстым слоем земли. Вообще же все землянки окапывались маленькими ровиками для стока воды, и трубы все тотчас же после топки печей сверху накрывались досками или двумя-тремя кирпичами, чтобы тепло не выходило очень быстро из этого импровизированного жилья. Но такое помещение действительно было ужасно во всех отношениях: во-первых, все время печь постоянно топилась; но от ветра забиваемый обратно дым, наполняя собою всю землянку, невольно выгонял обитателей её наружу, уже не говоря, что эти частые явления вредно действовали на глаза, которые рвало от этого едкого дыма. Во-вторых, кроме оттепелей, снег, покрывавший крыши, тая от внутренней теплоты землянок, в виде дробного дождичка смачивал живущих, не говоря уже о постоянной почти капели, на которую никто не обращал внимания, ни о том, что стены всегда были настолько мокры и влажны, что пальцем можно было делать дыры где угодно. Весь здесь сидишь мокрый, ложишься на мокрую солому, накрываешься мокрым платьем, и, кроме пронизывающей до костей сырости, страшный холод. В-третьих, в землянках всегда стоял влажный, спертый воздух, так что, понятно, каждый предпочитал лучше по возможности дольше пробыть на морозе, чем в таком помещении, куда только ночь по неволе загоняла для ночлега.

Не лучше этого была и жизнь - в траншеях... Мокрота в это время была ужасная. От продолжительного сидения в сырых местах ранее морозов уже здесь начали повторяться частые случаи отмораживания...

Морозы уже с конца октября по ночам доходили до двадцати градусов, что при постоянном почти ветре еще более давало себя

чувствовать. С 14-го же ноября горы покрылись снегом почти до самого спуска в Габрово. Настала ужасная погода, Попеременно шел то снег, то дождь в виде замерзающих крупинки, в сопровождении порядочного мороза и сильного холодного ветра, достигавшего часто до размеров настоящего урагана.

Укрыться от непогоды было некуда, так как по-прежнему в землянках была страшная сырость, которая не уменьшилась и с наступлением морозов. Землянки были построены на глинистом грунте, вследствие чего вода от таявшего на крышах землянок снега скоплялась внутри их. Во время оттепелей вода с гор стекала вдоль крутых скатов также в землянки, подмывая их стойки; выкапываемые для стока воды канавки вокруг землянок беспрестанно заплывали; осушить место расположения землянок не было никакой возможности. По причине страшной сырости и за недостатком дров, в землянках не всегда можно было развести огонь, чтобы обогреться и высушиться. Доставка дров с крутых скатов оврагов, покрытых снегом в 1¹/₂ аршина, делалась крайне затруднительною.

Вследствие всего сказанного, люди, почти во все время зимней стоянки на Шипке, не имели на себе ничего сухого и ни разу не могли порядком отогреться и отдохнуть. После этого можно себе представить, каковы были зимние ночлеги солдат на Шипке. Солдат ложился в землянке не раздеваясь, прямо на сырую землю, без всякой подстилки; одежда его, прихваченная туманом, вся мокрая, равно рубашка и нижнее платье; сапоги грязные; чрез них сочится вода; в довершение всего, его едят мириады насекомых, так как рубашки переменить негде, да и нет её: в течение нескольких месяцев бессменного стояния, они уже успели пооборваться вконец; при всем том, лежит он еще впроголодь, окруженный земляными мышами, которые лазают ночью по его телу и лицу, поднимая пронзительный писк и междоусобную драку из-за черствого сухаря, который они найдут в кармане солдата.

Одежда людей скоро изнашивалась. Нижние чины стали нуждаться в рукавицах, набрюшниках, штанах и обуви, износившейся и испорченной на «Николае». Шинели до-того истаскались, что походили на какое-то дырявое полотно; мыть портянок было негде, сапоги не снимали по целым месяцам, и потому ноги у многих попрели и разранились; волосы у многих отросли, как у попов, бороды тоже отросли какими-то клочками; лица неумытые; кепи уж были не кепи, а грязные колпаки, люди — просто дикарями какими-то смотрели. Страшный и чудовищный костюм оборванных солдат, кутававшихся от холода во все, что им попало, походил скорее на диких обитателей крайнего севера: голова обвязана башлыком и тряпками; весь он закутан в палаточный холст, спускавшийся до колен; на ногах воловьей шкуры, перевязанные бечевками; на бороде и усах торчат ледяные сосульки; физиономия закрыта, только видны два глаза да красный багровый нос; верхняя одежда и обувь

покрыты сплошным слоем льда и в твердости нисколько не уступают дереву...

Иногда промокшая одежда сразу промерзала до тела, так что людям трудно было двигаться. Одежда представляла толстую ледяную кору; сгибать руки было почти невозможно; ходьба весьма затруднительна; свалившийся с ног человек без посторонней помощи подняться был не в состоянии. Шинели так крепко промерзли, что полы не сгибались, а ломались; солдаты не в состоянии были распоясываться, чтобы удовлетворить естественным потребностям.

У солдат скоро начали, вследствие отмораживания сильно пухнуть ноги; оттирание спиртом мало помогало. Для того, чтобы снять сапог с опухшей ноги, приходилось разрезать его в подъеме. Постоянно мокрая одежда расслабляла людей; почти все страдали изнурительным поносом и многие кровавым. Отпускаемое в роты для чая красное вино мало помогало. Люди мало-помалу начали терять аппетит и стали отказываться от пищи. Число больных с каждым днем, увеличивалось; господствующие были: опухоль, отморожение рук и ног, и понос. В некоторых полках заболело в один день по сто человек и более.

Особенно тяжело было защитникам Шипки во время сильных метелей и бурь, которые случались на перевале весьма часто, преимущественно по ночам. Страшным ураганом нередко сбрасывало людей с горы Св. Николая. Метель свирепствовала там до того ужасно, что никакое человеческое существо не могло оставаться под открытым небом. Форпосты обеих сторон сносило, причем солдаты с трудом избегали смерти. По несколько дней кряду, по причине метели, нельзя было никого узнавать в пятидесяти шагах; некоторые землянки в русском лагере разворачивало до самого фундамента на глубине нескольких футов. Сообщение с Габровым прерывались, и находившиеся на перевале были отрезаны от всего мира и предоставлены на произвол судьбы, посреди разъяренной стихии, на высоте нескольких тысяч футов...

Даже огнем нельзя было согреться, потому что ветер проникал сквозь стены и выдувал обратно в барак дым, выходивший из первобытных труб. Вследствие чего невозможно было поддерживать хоть какую-нибудь теплоту. Большие массы крутились по долине, образующей настоящий Шипкинский перевал. Лошади, волы и всякий вьючный скот инстинктивно спасались в лагере и нередко помещались под одним кровом с людьми...

Проходившие из одного ложементов в другой солдаты, в своих обледенелых костюмах, падая под напором бури, не были затем в состоянии приподняться, и их моментально заносило снегом, так что приходилось отыскивать их и откапывать. Ложементы все заносило снегом доверху. Солдаты не могли очищать их своими озябшими руками

со скорченными от холода пальцами, да это было и бесполезно: метель снова их заносила. Ружья обледеневали. Костров в ложементях при сильном ветре невозможно было разводить. Люди зябли до невероятности. Солдаты сбивались в кучки и усиленным движением старались отогреть друг друга.

... землянки заносились снегом наравне с крышею, так что после каждой метели приходилось выкапывать из землянок людей. Весь скат горы у Брянского домика, где были расположены землянки, по утрам представлял ровное снежное поле, на котором итыки ружей, поставленные в козлы, вершка на три-четыре торчавшие из снега, указывали место расположения землянок. По ружейным итыкам и голосам из-под снега люди выкапывались из землянок. Поэтому многие офицеры предпочитали оставаться в ложементях. Укрывавшихся же в землянках офицеров приходилось через час или два выкапывать.

Понятно, что во время метелей, которые иногда свирепствовали дня по два и по три, доставка на позиции горячей пищи прекращалась. Пища готовилась на ротных кухнях, расположенных у Брянского домика. Доставлялась на позиции горячая пища в котлах, установленных на передки провиантских телег, запряженных четырьмя, шестью подъемными полковыми лошадьми. При гололедице и в метель котлы с горячей пищею, разумеется, не могли быть доставляемы на позицию, почему самая раздача пищи делалась весьма затруднительною...

Таким образом, солдатам, сидевшим в страшную метель и стужу в ложементях, приходилось довольствоваться по несколько дней чаркою водки и сухарями. Но нужно знать, что это были за сухари! Положенные в мокрые ранцы, они проникались сыростью, мокли, прокисали и пахли невообразимою кислятиною. Чай и сахар раздавались на руки солдат, но, за невозможностью развести в метель огня, они не могли приготовить кипятку. Немудрено после этого, что во время сильных морозов и бурь бывали, например, такие случаи: стоит, например, часовой, прислонившись к брустверу, — стоит недвижимо, как бы упорно смотрит куда-то. «Проснись!», - толкает его унтер-офицер. При этом толчке часовой падает, как деревянный. Оказывается, что бедняга замерз и не проснется никогда. Мало этого: раз целая траншея была найдена с замороженными солдатами, а в одну ночь оказалось, что всю западную позицию Шипки защищали десять живых солдат. Остальные вымерзли.

Чтобы предохранить людей, по возможности, от обмороживания во время сильных ночных выюг, их заставляли работать, дабы они, находясь в постоянном движении, не засыпали. С этою целью их посылали за водою, за дровами и заставляли плести туры...

Между тем погода с каждым днем все более и более портилась. Начались страшные морозы при сильном ветре, а к вечеру 7-го декабря поднялась ужасная метель, которая продолжалась с самыми небольшими

перерывами до утра 15-го числа. Эта неделя для войск шипкинского отряда была самая губительная; потери от огня были незначительны, но убыль людей от болезней приняла ужасающие размеры, так что, не смотря на все меры, принятые к возможному сохранению людей, число обморозившихся и вообще заболевающих все более и более увеличивалось».

Преимущество Ельцев в несении боевой службы по сравнению с шипкинским отрядом заключалось в том, что их ежедневно не обстреливали турецкие орудия и пехота. Однако в остальном им было также несладко. Условия были схожие: горы, стужа, метель и негде согреться.

Как отмечают сторонние наблюдатели, сколько же нужно было иметь русскому солдату мужества, энергии и нравственных сил, чтобы противостоять противнику в этих адских, нечеловеческих условиях на протяжении 5 месяцев!

Своим долготерпением в Балканских проходах 8-й армейский корпус дал возможность основным силам Русской армии сломить сопротивление противника под Плевной и обеспечить в последующем полный разгром турецких войск, открыв путь к Константинополю.